

* * *

Всё завершается как под копирку,
Будущий год ещё так одинок.
Кто-то проделал огромную дырку
В прошлом и смотрит оттуда в бинокль.
Пусть он увидит, как выше и выше
Мы поднимаем преступную страсть,
Как зацепляется солнце за крыши,
Чтобы под утро совсем не упасть.
Как удивительный век Двадцать первый
Под мишуру новогодних речей
Юношей стал, утончённым и нервным,
И до сих пор он блуждает ничей.
Всё завершается тяжким застольем,
Посох стучит, Дед Мороз без лица,
Кто-то проснётся и сразу застонет,
Можно бинокль докрутить до конца.
Всё увеличить в последнем пределе,
До отвращения, до сморщенных век,
Тот, кто в прицеле, бесспорно, при деле,
А Дед Мороз выбегает на снег.
Вот он бежит, он мишень для охоты,
Глянь, из какого он тонкого льда!
Вот он упал. Пьяный, что ли? Да что ты!
Не раскрошилась его борода.
Смесью гремучей шампанское с дёгтем,
Бросили ложку, подумали – мёд.
Год перед нами неспешно пройдёт,
Что-то шепнёт, но никто не поймёт...

* * *

Сырость. Девушка. Петроград.
Невозможность ответа.
Невозможность вопроса.
Не поверишь ты, как я рад
Неизбежности ветра
И тому, что всё просто.
Сырость. Девушка. Темнота.
Невозможность прохожих
Стать немного мне ближе.
Жизнь прекрасная, да не та...
Капли пота на коже
Ветер с жадностью слижет.
Сырость. Девушка. И по горло
Остров скукой пронизан.
Занавески висят на карнизах,
Им уж нечего скрыть.
Только прыть мою, прежнюю прыть
Вместе с инеем стёрли.

* * *

Нет уже того накала,
Что любви сильней.
От вокзала до вокзала
Череда огней.
Горло высушила вьюга,
Задушила крик,
Нам бы полюбить друг друга,
Но бредёт двойник

Мой по набережным мрачным,
Дождь ему в лицо.
Первой ночью, ночью брачной
Снимет он кольцо.
Крест Господний смотрит в небо –
Этим жизнь полна.
Что нам нужно кроме хлеба
И глотка вина?
Жизнь от поезда отстала,
Не проститься с ней.
От вокзала до вокзала
Череди огней.

* * *

Выходи из дома, пройдишь по книжным,
Полистай роман, никому не нужный,
Проглоти слюну от приязни к ближним
И пойми, что ветер давно не южный.

У семи холмов я восьмой насыплю
Из своих ошибок, тревог, волнений.
И пойдёт у города кожа сыпью,
Красной сыпью памятных поражений.

Я чертил луну, но сорвался циркуль,
Получился месяц над облаками,
Выхожу из дома, а небо в стирке,
Выжимает кто-то его руками.

Кто-то плакал у этой стены столетья,
Потому здесь нынче такая влажность.
Не прощай меня даже этим летом!
Бог простит, а дальше уже не важно.

* * *

Небо, не глядя совсем на людей,
дыры никак не заштопает,
юноша полон великих идей,
девушка тоже. И что теперь?
В памяти есть небольшое окно,
наглухо вечно забитое,
ты отвори его, мне всё равно,
помнится только забытое.
Блеф не удался, рояль замолчал,
стынет любви беззаконие,
в небе осталось начало начал
и на земле не закончилось.
Годы пройдут, и нагрянет беда,
вздрогнут живые и мёртвые,
юноша с девушкой не навсегда
пальцы сплетают замёрзшие.

* * *

Давай с тобой наговорим
Побольше вздора.
Уже течёт вчерашний грим
Из глаз актёра.
Скорей всего, ты скажешь: «Течь
Лишь слёзы могут».
И ошибёшься ты, вся речь
Моя от Бога,
Не потому, что я гордец
Иль параноик,
А потому, что двух сердец
Союз не стоек.
Лицо приклеено к стене
Обычным скотчем.
Я соскребаю тень с теней,
А ты не хочешь.
Я карандаш твой не стирал,
И росчерк злее.
Я столько раз лицо терял –
И вот наклеил.
Петух восторженно молчал,
Пока не клюнул.
И если был бы я смельчак,
В лицо бы плюнул.
Но проживает Божество
Всю жизнь без грима,
В местах, где всё и ничего
Неповторимо.

* * *

Ветви бесполезные сплетают
Время, что поймать пытался взгляд.
Ангелы давно не улетают,
Целый день печальные сидят
На домах, вокзалах и деревьях,
Ищут человека своего.
Если возвратятся тени древних,
Расстреляют всех до одного.
Времена смешаются, как фишки
В мировом жестоком казино.
Продразвёрстка, кулаки, излишки.
К чёрту всё, ведь главное – кино.
Я тогда возьмусь за чашку кофе,
Как крупье бестрепетной рукой.
Ангелы гуляют по Голгофе,
Словно институтки по Тверской.
И мои страдания несметны,
Свет струится из кофейной тьмы.
Счастье в том, что ангелы бессмертны,
И несчастье, что бессмертны мы.